

«Пантюркизм» в архивных источниках эпохи сталинизма (1944–1953)

Юлия Гусева, Ольга Сенюткина

«Pan-Turkism» in archival sources of Stalinism (1944–1953)

Julia Guseva (Moscow City University, Russia),

Olga Senyutkina (The Linguistics University of Nizhny Novgorod, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23060135, EDN: PTFBXA

Одним из наиболее известных политических понятий советской эпохи является «пантюркизм»¹ — нарратив, исторически закрепившийся за репрезентацией разнородных социокультурных и политических стремлений, идей и практик сторонников политического и культурного единства тюркоязычных народов СССР. Как правило, он включает в себя внешнеполитическую оценочную составляющую — выраженное воздействие иностранных государств на тюркские общности в составе российского (советского) имперского пространства. Данный нарратив и сегодня нередко используется в медийном поле для оценки общественно-политических настроений отдельных тюркоязычных российских народностей и субъектов, для описания целеполагания тюркоориентированной политики современной Турецкой Республики.

Ожидаемо, что отечественные исследователи чаще всего препарируют пантюркистскую проблематику с точки зрения угроз национальной и глобальной безопасности². Реже встречаются труды, которые изучают её исторические репрезентации, также осмысливая их преимущественно в ключе секьюритизации³.

В последние десятилетия введены в научный оборот отдельные документы, отражающие «пантюркистские» страхи бюрократии имперского периода⁴. Изучается механизм наследования фобий из имперской эпохи в раннесоветскую.

© 2023 г. Ю.Н. Гусева, О.Н. Сенюткина

¹ Здесь и далее мы рассматриваем данное явление как нарратив, описательный конструкт, не вдаваясь в рассуждения об объективной связи между совокупностью определённых явлений и их обозначением, поэтому заключаем данное понятие и его производные в кавычки.

² Червонная С.М., Гулязов И.А., Горошков Н.П. Тюркизм и пантюркизм в оригинальных источниках и мировой историографии: Исходные смыслы и цели, парадоксы интерпретаций, тенденции развития // АС-АЛАН. 2003. № 1(10). С. 3–478; Червонная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5(14). С. 152–165.

³ Хасанишин Г.Р. Особенности восприятия российскими сановниками понятий «панисламизм» и «пантюркизм» (по материалам Особого совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 г.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2015. С. 249–270; Бойко С.И., Соколова В.И. Противостояние политической полиции Казанской губернии идеям панисламизма и пантюркизма в 1908–1914 годах // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 33–37.

⁴ Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII–XX в.). Сборник материалов / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006; Туркестан в имперской политике России: монография в документах / Отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016; Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. С. 296–298.

Нам удалось доказать, что в 1920-х гг. «советские наблюдатели во многом были обречены в своих оценках: они не могли представить критическую волну в отношении национальной элиты в новых мыслительных понятиях и формах»⁵.

В настоящей статье мы рассмотрим комплекс документов 1944–1953 гг. о «пантюркизме» в Российской империи и СССР, отложившихся в спецхране фонда бывшего Главного архивного управления (ГАУ)⁶ НКВД. Цель исследования — проанализировать процесс и результаты работы советских архивистов по «пантюркистской» тематике. Изучены основные компоненты содержания, язык, стилистика, а также причины и условия формирования рассматриваемого комплекса документов.

Ранее Ю.Н. Гусева показала, как данные документы могли быть задействованы в качестве внешнеполитического аргумента против Турции, не стремившейся признать советское доминирование в послевоенном мире⁷. Однако акцент в публикации сделан на «панисламистскую» проблематику. В данной статье впервые рассматриваются комплексные вопросы источниковедческого характера и содержательных особенностей документов.

Архивные документы ГАУ за 1944–1953 гг., отражающие так называемую пантюркистскую деятельность в различных частях Российской империи и советских республиках, имели гриф «секретно» или «совершенно секретно». Первичная систематизация материалов производилась в 1953–1954 гг., в 1990-х гг. они были рассекречены и в настоящее время хранятся в ГА РФ⁸. В статье рассматриваются 19 дел, которые объединены нами в комплекс документов по различным аспектам пантюркистской проблематики. Выявлены все хранящиеся в фонде бывшего ГАУ и доступные для исследователей материалы подобного содержания.

По типу документы делятся на обзоры⁹ и исторические справки по общим и частным вопросам. Тематические обзоры (2 дела) касаются деятельности так называемых панисламистских групп, партий и движений на Кавказе¹⁰. Исто-

⁵ Гусева Ю.Н., Сеньоткина О.Н., Христофоров В.С. Пытаясь понять и вообразить ислам... (образ ислама в сознании российских элит 1880-х — 1920-х гг.). М., 2021. С. 301.

⁶ 16 апреля 1938 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление о передаче Центрального архивного управления в ведение НКВД, а в сентябре того же года оно было преобразовано в Главное архивное управление НКВД. На него возлагалось руководство всеми документальными материалами, принадлежавшими государству. В годы Великой Отечественной войны главный орган управления архивным делом именовался «Управление государственными архивами НКВД». С 1946 г. ГАУ находилось в ведении МВД. В статье мы оперируем обобщённым понятием ГАУ, имея в виду указанные нюансы организационно-административного характера.

⁷ Гусева Ю.Н. Архивисты в «погонах» на службе советской политики: история российского ислама в документальных обзорах ГАУ НКВД СССР 1940-х годов // Память о прошлом — 2018. VII историко-архивный форум, посвящённый 100-летию государственной архивной службы России (Самара, 15–17 мая 2018 г.). Сборник статей. Самара, 2018. С. 283–288.

⁸ По внешнему виду архивные дела представляют собой типовые папки с отметками «рассекречено».

⁹ Ещё в 1930-х гг. советские историки-архивисты впервые начали разрабатывать методику составления тематических обзоров, которые определялись как «справочное пособие, описание, дающее характеристику документальных материалов применительно к определённой теме для информации исследователей и других заинтересованных лиц в целях научного и практического использования архивных документов» (Ковальчук Н.А. Тематические обзоры (История, соврем. опыт и методика их составления в гос. архивах СССР). М., 1960. С. 3). В структуру обзора должны были входить оглавление, историко-археографическое введение, характеристика документальных материалов, основная часть, которая должна строиться в соответствии с планом, указатель.

¹⁰ См.: «Обзор деятельности панисламистских групп на Кавказе. 1905–1914 гг.», подготовленный не позднее 1953 г. (ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 473) и «Обзор деятельности мусульманской

рические справки общего характера (8 дел) освещают деятельность сторонников тюркского единства, внешних интересантов в имперский период и в первые постреволюционные десятилетия в масштабах всей страны и отдельных регионов¹¹. Большую исследовательскую ценность представляют и справки по отдельным аспектам деятельности «панисламистских групп», движений, активистов (8 дел)¹².

Следует отметить, что в значительной части документов соединяются понятия «пантюркизм» и «панисламизм». Традиционно это объясняется тем, что в позднеимперский и раннесоветский периоды национальное и религиозное воспринималось как тождественное. Однако удивительно сохранение этого смешения, за которым, вероятно, стояла типичная особенность «сталинского языка». Его референты, по замечанию Е.А. Добренко, являлись «идеологическими фикциями и располагались в мерцающей зоне семантической неопределенности, облегчавшей решение сугубо инструментальных политических задач»¹³.

Анализ датировки данных материалов показывает, что изучение темы объединения тюркских народов Российской империи/СССР было инициировано в 1944 г. и продолжалось до начала 1950-х гг. Эта работа проходила в условиях идеологического, геополитического и военного противостояния мировых держав и не прекращавшихся в период Второй мировой войны попыток Германии «перетянуть» Турцию на свою сторону. Берлин пытался разыграть «тюрко-исламскую карту» внутри СССР, а также на оккупированных

национальной партии “Дифай” (“Оборона”) в 1905–1917 гг.», составленный архивным отделом МВД Грузинской ССР в 1944 г. (Там же, д. 85).

¹¹ См. исторические справки: «Панисламизм в освещении Министерства иностранных дел в 1900–1917 гг.», 17 октября 1944 г. (Там же, д. 586), «О пантюркистском и панисламистском движениях в 1916–1917 гг.», 11 ноября 1944 г. (Там же, д. 81), «Панисламизм в России», 25 сентября 1944 г. (Там же, д. 79), «Панисламистско-пантюркское движение в Средней Азии и в Таджикистане», 18 июля 1944 г. (Там же, д. 107), «Панисламистское и пантюркистское движение в Средней Азии», 1–15 августа 1944 г. (Там же, д. 117), «Панисламистское движение в России и борьба с ним», 1944 г. (Там же, д. 80). Отметим также историческую справку о панисламистском движении, составленную по материалам Центрального государственного архива Татарской АССР, 18 октября 1946 г. (Там же, д. 280), справку-ориентировку о методах насаждения Турцией идей панисламизма и пантюркизма в России, 21 марта 1947 г. (Там же, д. 345) и справку о панисламистском и пантюркском движении в Казахстане в 1889–1939 гг., составленную не позднее 1953 г. по материалам архивов Казахской ССР (Там же, д. 482).

¹² См. справки: «О методах иностранных разведок на Северном Кавказе, 1910–1917 гг.», подготовленную Госархивом Северо-Осетинской АССР 15 января 1945 г. (Там же, д. 172); «О деятельности татарских панисламистских организаций, националистических организаций в г. Астрахани и Астраханской губернии в 1903–1908 гг.», составленную архивным отделом УМВД Астраханской обл. 1 апреля 1946 г. (Там же, д. 505); «О деятельности турецкой шпионской организации в Батумской области в 1921 г.», 7 апреля 1947 г. (Там же, д. 330); «О тайных мусульманских националистических обществах “Фадавиэ”, “Гитаят”, “Гейрат” в Закавказье, 1905–1906 гг.», 10 апреля 1947 г. (Там же, д. 323); «О деятельности турецкой шпионской организации в г. Хой (Иран) и Нахичевань. Список панисламистских деятелей и пропагандистов на Кавказе, в Крыму и г. Астрахани, 1911–1915 гг.», 24 апреля 1947 г. (Там же, д. 306). См. также: Копии документов о деятельности Туркестанского охранного отделения по борьбе с панисламистским движением. Обзоры фондов государственных учреждений по Туркестанскому краю периода 1867–1917 гг., подготовленные 20 мая 1947 г. Центральным государственным архивом Узбекской ССР (Там же, д. 335); Копии документов Пермского губернского жандармского управления о панисламистском движении в Пермской и Оренбургской губерниях в 1911–1917 гг., подготовленные Госархивом Молотовской обл. не позднее 1953 г. (Там же, д. 512).

¹³ Добренко Е.А. Поздний сталинизм: Эстетика политики. Т. 1. М., 2020. С. 418–419.

немцами территориях и среди советских военнопленных-мусульман¹⁴. В связи с этим изучение форм и методов работы «пантюкистской» пропаганды являлось, прежде всего, задачей внешнеполитического порядка, становилось одним из важных факторов советско-турецкого и советско-немецкого противостояния.

Однако полагаем, что внешнеполитическими интересами дело не ограничивалось. Исследователи указывают, что НКВД активно использовал архивные документы для проведения масштабной политики репрессий: выявления личного состава жандармских управлений и охранных отделений, различных чиновников и иных «антисоветских элементов»¹⁵. Охрана «документальных богатств страны от посягательств “врагов народа”»¹⁶, которую обеспечила передача в 1938 г. ГАУ в систему НКВД, лишь зафиксировала формально уже сложившуюся практику. Маховик поисков «врагов» не сбавлял обороты и в послевоенные годы¹⁷. Освещая деятельность архива по «выполнению запросов оперативных органов», современные сотрудники ГА РФ с плохо скрываемым облегчением констатировали, что с 1955 г. «эта работа в архиве наконец-то перестала проводиться»¹⁸. Весьма вероятно, что рассматриваемые документы стали основой для подготовки обвинительных заключений в отношении отдельных уцелевших сторонников идей «пантюкизма», конструирования и использования так называемой пантюкистской, националистической угрозы для решения конкретных идеологических задач в послевоенный период¹⁹.

Подготовленные справки и обзоры визировались сотрудниками госбезопасности в различных званиях: полковник А.Я. Востриков²⁰, старший лей-

¹⁴ См. подробнее: *Гусева Ю.Н.* Архивисты в «погонах»... С. 283–288.

¹⁵ *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969. С. 354.

¹⁶ *Чекмарёва Н.В.* Партийное руководство развитием архивного дела в СССР (1917–1938 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 19.

¹⁷ «В течение 1948 г. сотрудники ЦГИАМ подготовили 2 530 биографических справок по запросам МГБ, МВД, партийных организаций, государственных учреждений и частных лиц. Для МГБ и МВД составлены справки “О сионизме и деятельности сионистских организаций в Москве” и “О количестве судебных органов и судебных работников в царской России”». В 1951 г. на основании 9 тыс. дел Министерства юстиции и Департамента общих дел МВД Российской империи было составлено 46 848 карточек «на шпионов, членов черносотенных и буржуазных политических партий, а также на иностранных подданных, подававших заявления о приеме их в русское подданство» (Цит. по: История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания / Отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2010. С. 105, 109, 111).

¹⁸ Там же. С. 111.

¹⁹ Следует признать справедливыми замечания специалистов о том, что в СССР «мощный толчок конспирологическим настроениям дали сталинские кампании террора, в особенности 1930-х гг., когда страна жила страхом по поводу многочисленных заговоров. Речь шла о “заговорах” пантюкистов, паниранистов, панисламистов, панфиннистов, а также “космополитов” и, разумеется, агентов всех возможных разведок. Всё это послужило основой новых сталинских кампаний борьбы с “врагами народа” на рубеже 1940–1950-х гг., когда сознание вчерашних крестьян в сочетании с большевистской конспирологией эпохи Большого террора породило гремучую смесь из неудовлетворённых комплексов национального приоритета и образов тайных и явных супостатов, всячески мешающих этому приоритету доказать своё право на существование» (*Шнирельман В.А.* Удерживающий. От апокалипсиса к конспирологии. М.; СПб., 2022. С. 98).

²⁰ Востриков Александр Яковлевич (1894–?), окончил Историко-партийный институт красной профессуры (1933), с 1947 по 1956 г. работал начальником Центрального государственного исторического архива в г. Москве (ныне ГА РФ).

тенант Курнышев²¹, полковник Е.Ф. Кузнецов²², капитан Г.Н. Старов²³, майор М.Н. Гордеев²⁴, капитан Фокин. Лишь некоторые из них, как, например, лейтенант госбезопасности Д.С. Фаньян²⁵, имели историко-архивную подготовку. Из историков справки и обзоры подписывали профессор В.В. Макасов и историк-архивист Л.М. Ланда. В некоторых обзорах присутствуют сопроводительные письма или отметки об исходных запросах. На одной из справок по теме постановки оперативного учёта в жандармских управлениях и охранных отделениях — надпись карандашом: «[В.М.] Меркулову доложено». Другая — имеет на первой странице следующую резолюцию: «Тов. Гордеев. Не об этом шла речь в письме 3 Управления. Переговорите»²⁶.

Итак, очевидно, что справки по отдельным регионам и персоналиям использовались для оперативной работы структур НКВД—МВД. Кроме того, как отмечает Т.И. Хорхордина, при начальнике ГАУ И.И. Никитинском началось составление секретных путеводителей по архивам и сборников архивных документов. В аппарате управления был создан специальный отдел № 11 — «отдел секретных фондов»²⁷. Можно с большой долей уверенности предположить, что исследуемый комплекс документов являлся частью готовившегося к изданию засекреченного сборника документов по «пантюркистско-панисламистской» проблематике, адресатом которого было руководство СССР²⁸.

С. Червонная справедливо отметила, что «наступление на идеологию пантюркизма в СССР со временем приобретало всё более агрессивный и нетерпимый характер. Критика пантюркизма была низведена на уровень грубых памфлетов и проклятий. Этим тоном прониклась и ангажированная наука, представленная как столичными учёными, так и школами союзных республик»²⁹.

Сталинская эпоха несла в себе отпечаток многочисленных националистических фобий и осознания СССР как осаждённой крепости. Одной из угроз

²¹ Курнышев (имя и отчество неизвестны), заместитель начальника Центрального государственного военно-исторического архива (ныне РГВИА).

²² Кузнецов Фёдор Евгеньевич, советский военный историк-архивист, полковник, старший научный сотрудник Центрального государственного архива Красной армии (ЦГАКА, ныне РГВА). С 6 октября 1941 г. — врио начальника. В 1943 г. назначен замначальника ЦГАКА.

²³ Старов (имя и отчество неизвестны), начальник отдела использования ГАУ НКВД СССР.

²⁴ Гордеев Михаил Николаевич (1901–1972), майор государственной безопасности, в 1942–1944 гг. — начальник отдела секретных фондов.

²⁵ Фаньян Джорж Согомонович (1910–1997), советский историк-архивист, окончил Московский государственный историко-архивный институт, с 1935 г. руководил Центральным архивным управлением Таджикской ССР.

²⁶ ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 75. Резолюция датирована январём 1943 г. 3-й отдел 3-го Управления (секретно-политического) НКВД занимался в том числе и борьбой с «националистической контрреволюцией» среди тюркских народов и мусульманского духовенства. На одном из обзоров 1947 г. сделана пометка: «Алексей Ильич. Об этих материалах меня лично просил замминистра внутренних дел Туркменской ССР полковник М. Если запросят высшие лица» (ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 305, л. 1).

²⁷ Хорхордина Т.И. Хранители секретных документов // Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. М., 2009. С. 87.

²⁸ На данный момент сборник не обнаружен. Первоначальную авторскую гипотезу см.: Гусева Ю.Н. Архивисты в «погонах»... С. 283–288. Примером несекретных сборников подобного рода может служить идеологически выдержанная и хорошо известная кавказоведам книга грузинских архивистов: Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (Сборник документальных материалов) / Сост. М.М. Габричидзе. Тбилиси, 1953.

²⁹ Червонная С.М. Пантюркизм и панисламизм в российской истории. С. 163.

традиционно, с перерывом на 1920-е гг., считалась Турция³⁰. Так, в справке 1947 г. констатировалось, что Турция исторически использовала религию в качестве инструмента привлечения на свою сторону «мусульманских» народов России³¹. Ряд архивных дел имеет «говорящие» названия: «Справка о деятельности турецкой шпионской организации...», «Справка-ориентировка о методах насаждения Турцией идей панисламизма и пантюркизма в России» и проч.

Неудивительно, что в изучаемых документах повышенное внимание уделялось активности турок накануне и в годы Первой мировой войны в Средней Азии и на Северном Кавказе: 11 дел из 19 затрагивают именно эти регионы. Особый интерес к тематике объясняется очевидным стремлением оценить потенциальную угрозу со стороны «национальных окраин», которые, по мнению советского руководства и лично И.В. Сталина, как до, так и после начала Великой Отечественной войны не отличались лоялизмом.

Архивные материалы подробно описывают работу турецких эмиссаров и воздействие переселенцев (мухаджиров) и турецких военнопленных времён Первой мировой войны на местное население. Большое количество сведений относится к усилиям в образовательной сфере (обучение турецкому языку, организация нелегальных религиозных школ), приводятся данные о сборах и пожертвованиях в пользу Турции, о подготовках «вооружённых восстаний»³².

Значительное количество материала нацелено на выявление реальных и воображаемых связей лидеров тюркизма и идей политического объединения мусульман с единомышленниками из Турции и Германии. Типичные наименования подразделов документов: «Роль Турции в панисламистском движении», «Панисламизм как орудие Германии для осуществления её планов мирового господства», «Россия, Англия, Франция в борьбе с панисламистским движением»³³.

Интерес советского руководства вызывали материалы о сторонниках исламского и тюркского единства в разных частях Российской империи. Архивисты готовили списки лиц, причастных к «пантюркистскому» движению, опираясь на данные Департамента полиции МВД³⁴. Составлялся «Список панисламистских деятелей и пропагандистов на Кавказе»³⁵. В документах имеются отметки: «Картотека 1947 г.», т.е. сведения, вероятно, становились частью единой системы учёта.

Значительная часть тематических обзоров и справок не отвечала строгим научным требованиям. Многие из них содержали пространные введения и типичные для того времени идеологические конструкты, что вполне понятно: к концу 1930-х гг., а особенно после передачи в 1938 г. ГАУ в ведение НКВД, «идеологический» фронт советских архивов в организационно-кадровом отношении был зацементирован, практически не оставляя «зазоров» для самостоятельных размышлений. К примеру, «Справка о методах иностранных разведок на Северном Кавказе. 1910–1917», подготовленная Центральным государственным архивом НКВД Северо-Осетинской АССР в 1945 г., начинается с обличения капитализ-

³⁰ На откровенную антитурецкую направленность данных документов мы указывали ранее. См.: Гусева Ю.Н. Архивисты в «погонах»... С. 283–288.

³¹ ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 345.

³² См., например: Там же, д. 345, 473 и др.; Христофоров В.С. Советские спецслужбы открывают Восток. М., 2019.

³³ ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 586, л. 1 об., 2 об. и др.

³⁴ Там же, д. 79.

³⁵ Там же, д. 306.

ма и империалистических стран, которые боролись за рынки сбыта, применяли военные средства и клевету, обман, политические интриги, шпионаж. Подчёркивалось, что для их политики было характерно использование «самой наглой, беспардонной агитации через подкупленных ими лиц буквально во всём мире»³⁶. Аналогичные сентенции обнаруживаются в материалах по «пантюркистско-панисламистскому» движению в Казахстане и Средней Азии³⁷.

Трудно не согласиться с мнением, что в таком контексте «архивный позитивизм (концентрация на публикации документов в сугубо археографическом ключе, без оценочных комментариев. — *Авт.*) становился актом сопротивления идеологии»³⁸. В изученном массиве этих и других документов присутствуют лишь единичные материалы, лишённые (насколько это было возможно) обилия пропагандистской риторики. К таковым относится, к примеру, историческая справка о «панисламистско-пантюрском движении в Средней Азии», составленная по документальным материалам Центрального государственного архива Октябрьской революции Узбекской ССР в 1944 г., визированная Л.М. Ландой³⁹. В справке присутствуют максимально нейтральное в идеологическом отношении введение, археографические характеристики материалов, подразделы, список литературы и источников⁴⁰.

Своеобразный «архивный позитивизм» хорошо заметен в отдельных справках. Архивисты центральных государственных архивов отдавали себе отчёт в необходимости тщательного профессионального источниковедческого анализа не только переводных статей прессы, но и всех данных. В справке они подчёркивали: «Составители не ставили перед собой задачи критического анализа находившихся в их руках документальных материалов о панисламизме и считали более правильным дать обзор всех имеющихся в архиве сведений о панисламизме, полагая, что читатель, знакомый с характером и функциями учреждений, документальные материалы которых используются в настоящей справке, сам может дать критическую оценку приводимым фактам, характеристикам, выводам. К тому же составители учитывали, что пользующиеся настоящей исторической справкой не ограничатся имеющимися в ней краткими сведениями о том или ином лице, событии и т.д., а неизбежно обратятся к самим документам и другим источникам, позволяющим сделать более объективное заключение об этом лице, событии и т.д.»⁴¹. Отметим, что справка 1947 г. разделялась на подразделы, содержавшие мало оценочных категорий: «Агентурные методы действия турецкого правительства в России», «Печать как средство пропаганды панисламистских и пантюркистских идей в России», «Легальные формы и методы объединения мусульман в России», «Характеристика материалов»⁴².

³⁶ Там же, д. 172, л. 1–4.

³⁷ Там же, д. 107, 482 и др.

³⁸ Эрнст В. Архивация: архив как хранилище памяти и его инструментализация при национал-социализме // Новое литературное обозрение. 2005. № 4. С. 135–154.

³⁹ Ланда Леонид Михайлович (1921–1971), советский историк-архивист, окончил исторический факультет Среднеазиатского университета, с 1943 г. — в архивных органах Узбекистана. Директор Центрального государственного архива Октябрьской революции УзССР. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Панисламистская и пантюркистская агентура в Туркестане: конец XIX в. — 1917 год».

⁴⁰ ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 117, л. 1.

⁴¹ Там же, д. 79, л. 2 об.

⁴² Там же, д. 345.

Составители справок и обзоров опирались главным образом на архивные материалы Департамента полиции, жандармских управлений, канцелярий губернаторов и генерал-губернаторов, штабов военных округов имперского периода. Вторыми по значимости и частоте использования были коллекции документов по истории Октябрьской революции и ведомственные материалы ОГПУ и НКВД. Например, в «Справке о панисламистском и пантюркском движении в Казахстане» архивисты зафиксировали, что материалы по данной теме выявлены впервые. В связи с этим специалисты «считали необходимым привлечь для составления этой справки ряд документальных материалов архива НКВД КазССР (главным образом обзоры)» с соответствующими оценками событий и явлений: «Выявленные материалы о панисламистском и пантюркистском движении в Казахстане свидетельствуют о том, что это политическое националистическое движение было связано с другими буржуазно-националистическими группами и партиями в Казахстане... Более того, пантюркисты в первые годы после Октябрьской революции, проникнув в ряды ВКП(б), в Средней Азии и Казахстане пытались использовать в своих целях и приспособить к пантюркизму, извратив предварительно, даже национальную политику большевистской партии (Рыскулов⁴³)»⁴⁴.

Российская и мировая «мусульманская» печать дореволюционного периода составляет ещё одну значимую группу источников⁴⁵, однако её ценность современные исследователи ставят под сомнение⁴⁶. Периодическая тюркоязычная пресса нередко содержала крайние точки зрения и не отличалась взвешенностью, статьи могли иметь откровенно «заказной» характер⁴⁷. Историки отмечают отсутствие аналитической работы имперских чиновников и экспертного, научного сообщества с прессой Кавказа, Крыма, Персии, Афганистана и Турции до 1917 г. Часто её подменял бессистемный сбор вырезок из разнообразных зарубежных и местных периодических изданий⁴⁸. На то, что архивисты понимали риски, связанные с использованием прессы, указывает следующая ремарка в одной из справок: «Переводы печатных произведений, сделанные Департаментом полиции, возможно, не точно вскрывают содержание той или другой статьи. Нередко эти переводы безграмотны. Это необходимо учесть при пользовании настоящими материалами»⁴⁹.

⁴³ Рыскулов Турар Рыскулович (1894–1938), государственный и общественный деятель, учёный, публицист, дипломат, сторонник идеи консолидации тюркских народов в формате «Единого Туркестана». Занимал ряд видных постов в советских органах регионального и центрального уровней: председатель СНК Туркестанской АССР (1922–1924), заместитель председателя СНК РСФСР (1926–1937), кандидат в члены ЦК РКП(б) (1923–1924).

⁴⁴ ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 482, л. 1.

⁴⁵ Там же, д. 79, 345 и др.

⁴⁶ *Tuna M.* Imperial Russia's Muslims: Islam, Empire, and European Modernity, 1788–1917. Cambridge, 2015. P. 206–212; *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении... С. 285–286 и др.

⁴⁷ Исследователи отмечают наличие трёх культурно-географических зон, в которых до 1917 г. мусульманская печать развивалась особенно динамично — Волго-Уральский регион, Закавказье и Центральная Азия. Часть её периодически закрывалась по обвинениям в «панисламизме» (*Дюдюаньон С.* Эхо революций в Иране (1906 г.) и в Турции (1908 г.) в мусульманской печати Российской империи с точки зрения межконфессиональных отношений // *Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.)*. Н. Новгород, 2012. С. 255–257).

⁴⁸ *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении... С. 286.

⁴⁹ ГА РФ, ф. 5325, оп. 4, д. 79, л. 2 об.

Итак, сравнительный анализ данных документов ГАУ демонстрирует, что для их подготовки использовались следующие источники (в порядке значимости): 1) сообщения агентуры имперского МВД, различных государственных органов дореволюционного периода; 2) выдержки из национальной печати; 3) допросы и признания, добытые в ходе процессов 1937–1938 гг. (протоколы допросов, признательные показания обвиняемых и проч.). Дискурс имперских спецслужб и государственных ведомств причудливо смешивался с идеологическими конструктами и результатами работы советских органов госбезопасности. На подобных источниковых основаниях без труда можно было осветить деятельность конкретных внутренних врагов — «пантюкистов».

Сталинизм тесно увязывал задачи «рационального использования архивных богатств» со своими базовыми идеологемами и с конкретными внутри- и внешнеполитическими задачами. В этом смысле отношение государства к тюрко-мусульманским народам во многом опиралось на подходы дореволюционного периода⁵⁰. Фактически мы наблюдаем, как имперская традиция конструирования «пантюкистско-панисламистской опасности» и образа врага воскресла в иных исторических условиях⁵¹.

Одной из базовых причин подобной преемственности являлось то, что архивные материалы по «пантюкизму» основывались на работе имперской контрразведки. Информационным результатом подобных изысканий становился хорошо изученный сегодня эффект эхо-камеры⁵². Он базировался на комплексе обстоятельств, среди которых следует назвать узковедомственные установки, специфическую информированность и идеологические ориентиры спецслужб, функционировавших циклично, находясь внутри закрытой информационной системы, которая в 1938 г. поглотила архивы. Внешние и низовые сигналы в подобную эхо-камеру практически не попадали.

В таких условиях архивисты были обречены на выявление и осмысление определённого круга источников, сформированных предшествующим поколением работников органов внутренних дел и госбезопасности Российской империи и СССР. Архивный «язык» документов, использовавшийся для формулирования дискурса «пантюкизма», был во многом заимствован из вокабуляра имперских спецслужб и помещён в оценочную рамку идеологии сталинизма. Немногочисленность фактов «архивного позитивизма» как единственно возможной в тех условиях формы «молчаливого протеста», увы, не даёт оснований исключать советские архивы сталинской эпохи из общей системы производства «полезного прошлого». Мы видим, что находившиеся в тоталитарной системе архивы являлись непосредственными участниками процесса подготовки сведений для организации борьбы с «националистическими движениями», а «пантюкисты» и «пантюкистские» сети становились в очередь на «разоблачение».

⁵⁰ В своей записке по «мусульманскому вопросу» 1900 г. С.Ю. Витте писал: «Наконец, нельзя, казалось бы, забывать, что наша внутренняя политика по мусульманскому вопросу является важным фактором политики внешней» (Императорская Россия и мусульманский мир... С. 254).

⁵¹ Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 304–306.

⁵² Эхо-камера — понятие в теории СМИ, представляющее собой ситуацию, в которой определённые идеи, убеждения усиливаются или подкрепляются путём передачи сообщения или его повторением внутри закрытой системы, а альтернативные информационные потоки заглушаются. В итоге любые высказывания приводят не к дискуссиям, а к поддержке единомышленников. Адресаты, находящиеся в такой «закрытой» системе, создают сообщения, слушают сами себя и соглашаются сами с собой.